

было нѣкое дуновеніе отъ божества къ лучшему или къ худшему и очевидно, что, соотвѣтственно этому, одни—счастливы, другіе—несчастливы. Особенно же это явствуетъ изъ того, что одни постоянно имѣютъ удачу, хотя дѣлаютъ что-нибудь не обдумавъ предварительно и кое-какъ, другіе же терпятъ неудачу несмотря на то, что заранѣе обдумываютъ и заблаговременно заботятся, чтобы дѣлать что-нибудь правильно. Есть также и другой видъ судьбы, соотвѣтственно которому одни отъ природы одарены хорошими качествами и имѣютъ удачу, другіе же—отъ рожденія лишены дарованій и имѣютъ противоположную (*вышеуказанной*) природу; изъ нихъ первые имѣютъ удачу, за что ни возьмутся, вторые же не имѣютъ удачи, причемъ мысль ихъ никогда не попадаетъ хорошо въ цѣль, но * приходитъ въ замѣшательство. Это несчастіе врождено имъ и не приходитъ со стороны.

Е. Пифагористы въ средней комедіи.

Теокритъ 14, 5 Такой недавно приходилъ одинъ пифагористъ, блѣдный и босой. *Схоліи къ этому мѣсту.* Пифагоріки всячески заботятся о тѣлѣ, пифагористы же ведутъ тайный и суровый образъ жизни.

1. *Атены IV р. 160 F* Что же ты не подражаешь извѣстнымъ пифагорикамъ? О нихъ Антифанъ въ „Воспоминаніяхъ“ говоритъ слѣдующее:

„Среди пифагориковъ встрѣчались такіе несчастные, которые утоляли голодъ въ стоячей водѣ и собирали такую гадость въ кожаный мѣшокъ (для съѣстныхъ припасовъ)“.

И въ сочиненіи, озаглавленномъ прямо „Кожаный мѣшокъ (для съѣстныхъ припасовъ)“, онъ говоритъ:

„Во-первыхъ, подобно пифагористу, онъ не ѣстъ ничего живого, но беретъ черную порцію самаго дешеваго ячменнаго хлѣба и снимаетъ (съ него) шелуху“.

Алексисъ же въ „Тарентинцахъ“ (говоритъ):

„Вѣдь пифагористы, какъ намъ говорятъ, не ѣдятъ ни обычной добавки къ хлѣбу ¹⁾ и прочаго ничего живого, и только одни они не пьютъ вина. Однако, одинъ изъ пифагорейцевъ Эпихаридъ ѣлъ собаку,—по крайней мѣрѣ, послѣ того, какъ убилъ ихъ нечаянно. Ибо (*говорилъ онъ*) убитое животное уже не является живымъ“.

И дальше онъ говоритъ:

„Правила Пифагора, тонкія изреченія и отточенныя мысли питаютъ ихъ, принимаютъ же ежедневно они слѣдующую (*ѣду*). Одинъ чистый хлѣбъ (*полагается*) каждому и чаша воды. Вотъ что и вотъ

¹⁾ Т. е. говядины, рыбы и т. п., что обычно ѣдятъ съ хлѣбомъ.

въ какомъ количествѣ (*принимается ими*). Ты скажешь: тюремный образъ жизни! Неужели всѣ мудрецы проводятъ такъ жизнь и терпятъ такія лишенія? (*Нѣтъ*), вышеупомянутые (*еще*) роскошничаютъ по сравненію съ другими. Знаешь ли ты, что есть товарищъ Меланиппидъ, Фаонъ, Фиромакъ и Фанъ, которые ѣдятъ (*лишь*) одинъ разъ въ пять дней, причемъ съѣдаютъ (*только*) одну мѣру ячменя?”

И въ сочиненіи „Пиеагористка“ (онъ говоритъ):

„Угощеніемъ будутъ сушенныя винныя ягоды, выжатая оливы и сыръ. Ибо въ обычаѣ у пиеагорейцевъ — приносить ихъ въ жертву. — Клянусь Зевсомъ, дѣйствительно въ жертву приносится то, что только есть самаго прекраснаго и наилучшаго“.

И немного ниже (онъ говоритъ):

„Должно было перенести скудость въ пищу, грязь, холодъ, молчаніе, мрачный видъ, нечистоту“

2. *Атений IV р. 161 E* Аристофанъ въ „Пиеагористъ“ (говоритъ):

„Клянусь богами, можемъ ли мы думать, что жившіе нѣкогда въ старину пиеагористы, дѣйствительно, по своей волѣ были грязными или съ удовольствіемъ носили старые поношенные плащи? Все это совершенно невозможно, какъ мнѣ кажется. Но (*поступали они такъ*) по необходимости, такъ какъ у нихъ не было ничего; (*и вотъ*) найдя прекрасное оправданіе простоты (*въ образъ жизни*), они установили предписанія, пригодныя для бѣдныхъ. Пусть меня десять разъ повѣсятъ, если, когда бы кто-нибудь предложилъ имъ рыбу или мясо, они не съѣли бы (*это*) вмѣстѣ со своими пальцами“.

3. *Диогенъ VIII 37. 38* Осмѣялъ его Кратинъ въ „Пиеагористкѣ“. Но и въ „Тарентинцахъ“ онъ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„У нихъ принято, если (*къ нимъ*) придетъ откуда-нибудь какой-либо неопытный (*человѣкъ*), желающій испытать силу (*ихъ*) ученій, искусно смущать (*его*) и приводить въ замѣшательство противоположностями, предѣлами, равенствами, планетами, величинами“.

Мнесимахъ же въ „Акмеонѣ“ (говоритъ):

„По-пиеагорейски мы приносимъ жертвы Локсію и не вкушаемъ рѣшительно ничего живого“.

(38) Аристофанъ въ „Пиеагористъ“ (говоритъ):

„Онъ сказалъ, что, спустившись въ жилище мертвыхъ, онъ увидѣлъ (*тамъ*) всякихъ (*мертвецовъ*), причемъ (*умершіе*) пиеагорейцы весьма отличаются отъ (*другихъ*) мертвецовъ. Ибо только съ ними одними, рассказывалъ онъ, вслѣдствіе ихъ благочестія раздѣляетъ трапезу Плутонъ. — Ты называешь бога неряхой, если онъ наслаждается обществомъ грязныхъ (*людей*)“.

Еще въ томъ же самомъ сочиненіи (онъ говоритъ):

„И они ѣдятъ огородныя овощи и запиваютъ ихъ водою. Вшей, грубые плащи и нечистоту не вынесъ бы, пожалуй, никто изъ прочихъ мертвецовъ“.